

ГРАММАТИКА

УДК: 811.512.156'366.57

В. М. Надеяев

Институт филологии СО РАН

Залоговость в тувинском языке*

Публикуемая работа состоит из двух незавершенных, в связи со смертью автора, вариантов статьи, посвященной проблеме залоговости в агглютинативных языках алтайской группы, и раздела «Вербальные субъектно-объектные залоговые сочетания», подготовленной В. М. Надеяевым «Грамматики тувинского языка».

Ключевые слова: тюркские языки Сибири, тувинский язык, залоговость, отглагольные дериваты

Залог – одна из опорных категорий в теории языка.¹

В грамматических описаниях языков алтайской группы постфиксальное образование залогов обычно квалифицируется как отглагольное словообразование и соответственно залогов рассматриваются как отглагольные дериваты; существенным доводом для такой трактовки считается регулярное образование субстантивных основ от производящих залоговых основ глагола.

А. А. Холодович в своей теории залога, с заявкой на её универсальность, при определении сущности залога исходит из соответствия между элементами, или единицами, синтаксического уровня (подлежащим **П**, первым дополнением **Д₁**, вторым дополнением **Д₂**) и элементами семантического уровня, участниками ситуации (субъектом **S**, объектами **O₁**, **O₂**), введя для наименования этого соответствия переосмысленный им термин **диатеза**, и определяет залог как регулярное обозначение в глаголе такого соответствия [Холодович 1979: 277–292]. Однокорневые залогов по А. А. Холодовичу – словоформы, или лексемы, одной глагольной лексемы [Холодович 1979: 16–17];² каузативный по смыслу глагол, как называющий собой ситуацию с тремя участниками (с каузатором, агентом и объектом), не включается в залоговую парадигму однокорневого с ним некаузативного по смыслу глагола, называющего ситуацию только с двумя участниками (с агентом и объектом), но объединяется с ним в одну суперлексему [Холодович 1979: 18, 28].

В оригинальной трактовке грамматической природы залога по А. А. Холодовичу имеется ряд спорных моментов.

1. Прежде всего, в этой трактовке вызывает сомнение локализация залогового значения только в пределах специально оформленного глагольного слова (напомню афористичную формулу А. А. Холодовича: “залог – это грамматически маркированная в глаголе диатеза” [Холодович 1979:

*Переиздание статьи, опубликованной в сборнике научных статей «Морфология тюркских языков Сибири», Новосибирск: типография города Бердска. 1985. С. 3–64.

¹ Эту спорность вопроса ярко отразил В. В. Виноградов в своем кратком, но достаточно исчерпывающем очерке развития теоретических взглядов на категорию залога в русском языкознании [Виноградов 1947: 606–651; 1972: 476–511].

² Также: “залог – это определенное отношение между формами одного и того же глагола (разрядка А. А. Холодовича)” [Холодович 1979: 291].

284]), хотя каждое залоговое значение сугубо синтаксично по своей сути и поэтому представлено в синтаксическом сочетании словоформ знаменательных лексем – обычно одного вербального слова и, по крайней мере, одного субстантивного (или субстантивнопрономинального) слова.

2. Вызывает также сомнение, что в диатезных схемах синтаксический уровень представлен единицами П и Д, т.е. членами предложения. Если в хрестоматийных примерах *Рабочие строят дом* (1) и *Дом строится рабочими* (2) однозначно констатируются диатезные схемы

1)	<table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="width: 50%; text-align: center;">S</td> <td style="width: 50%; text-align: center;">O</td> </tr> <tr> <td style="text-align: center;">П</td> <td style="text-align: center;">Д</td> </tr> </table>	S	O	П	Д	2)	<table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="width: 50%; text-align: center;">S</td> <td style="width: 50%; text-align: center;">O</td> </tr> <tr> <td style="text-align: center;">Д</td> <td style="text-align: center;">П</td> </tr> </table>	S	O	Д	П
S	O										
П	Д										
S	O										
Д	П										

то нельзя (без малоубедительной эквилибристики с синтаксическими трансформами) обнаружить на синтаксическом уровне П в причастных оборотах – *У строящих (этот) дом рабочих (возникли затруднения)* (3) или *В (этом) строящемся (квалифицированными) рабочими доме (будет открыт магазин)* (4), хотя причастная словоформа *строящих* (3), как и сказуемая словоформа *строят* (1), участвует в выражении активнозалогового отношения при ситуации $\boxed{S} \boxed{O}$, а причастная словоформа *строится* (2) – в выражении пассивнозалогового отношения при той же ситуации $\boxed{S} \boxed{O}$. Видимо, в диатезной трактовке залогов единицы синтаксического уровня надо было искать не в моделях предложений.

3. В трактовке А. А. Холодовича вызывает сомнение остракизм глагольного каузатива в глагольной залоговой парадигме, морфологическое оформление которого, например, в языках алтайской группы, органически связано с аналогичным оформлением других залоговых морфем.

4. Наконец, в общелингвистическом плане вызывает возражение имплицитное ограничение П и Д функцией грамматически **асемантичных** членов предложения, т.к. (если это не оговорка) **семантический** уровень в диатезной трактовке залога приписан только ситуативным участникам S, O, (O₁, O₂).

В данной статье излагается грамматическая точка зрения на залоговые конструкции, их характеристики, их функции и их значения с констатацией однозначного проявления последних **только** в синтаксических конструкциях, и именно, в **словосочетаниях**; в связи с последним вводится понятие **залоговости**, существенное для данной трактовки залогов.

Излагаемая **словосочетательная** трактовка (иначе, залоговостная) залоговой системы, не претендующая на общелингвистическую универсальность, но, по мнению ее автора, грамматически в достаточной степени характеризующая сущность этой системы в постфигирующих языках, типологически объединенных в алтайскую группу (и может быть приложена к другим аффилирующим языкам), отличается от универсальной предложенческой трактовки залогов А. А. Холодовича и от традиционной в тюркологии, монголистике и тунгусо-маньчжуроведении трактовки залогов, которая, несмотря на ее частые вариации у отдельных авторов, по существу является морфологической трактовкой, хотя обычно характеризуется ими как словообразовательная с квалификацией залогов отглагольными дериватами.

Словосочетательная (залоговая) трактовка залоговой системы сложилась у автора статьи при разработке и чтении им курсов лекций по современному монгольскому языку (1946-59 гг.) и по тувинскому языку (1947-57 гг.) студентам монгольского и тувинского отделений при кафедре монгольской филологии и кафедре тюркологии восточного факультета Ленинградского государственного университета (ЛГУ). В первом варианте, до 1954 г., залоговость соотносилась мною с предложением, но фактически и тогда она трактовалась соотнесенной со словосочетаниями, что косвенно нашло отражение в составленных мною для пятилетнего курса лекций «Программах по современному монгольскому языку (Л., 1954, 5 а.л. машинопись)». В этих «Программах...» в тезисообразном изложении представлены разделы теории современного монгольского языка (фонетика, графика, орфография, морфология со словообразованием, синтаксис, лексика) в разделяемом мною общепринятом теоретическом освещении или, при несогласии с ним, в моей теоретической трактовке отдельных положений теории с соответствующей критикой других трактовок, в частности, в моей трактовке даны программные тезисы о залоге. Следует отметить, что А. А. Холодович, рецензировавший «Программы по современному монгольскому языку», не принял предложенное там понятие **залоговости**, хотя в общем дал положительную оценку «Программ...», а Г. Д. Санжеев, также рецензировавший эти «Программы...», охарактеризовал их

отрицательно как слишком подробные для жанра программ, не высказав своего мнения о трактовке в них залогов.³

Излагаемая здесь теоретическая трактовка залогов (в алтайских языках) не была опубликована своевременно, но она неоднократно сообщалась устно, помимо курсов лекций в ЛГУ, также в последующих по времени курсах лекций для аспирантов Института истории филологии и философии (ИИФиФ) СО АН СССР, в докладах для научных сотрудников НИИ и вузов Сибири (Новосибирск, Якутск, Улан-Удэ, Кызыл, Абакан, Горно-Алтайск), а также в цикле лекций по узловым вопросам теории современного монгольского языка, прочитанных на расширенных заседаниях ученого совета Института языка и литературы АН МНР (Улан-Батор). Эта точка зрения на грамматическую сущность алтайских залогов нашла отражение в грамматических характеристиках древнетюркских залоговых постфиксов (-*yit*-, -*yur*-, -*l*-, -*n*-, -*q*-, -*siq*-, -*s*-, -*t*-, -*tiz*-, -*tur*-, -*ur*-, -*uz*-) в Указателе грамматических форм, подготовленном мною к печати в первой половине 1966 г. как приложение к «Древнетюркскому словарю» [ДТС 1969: 649–668].

Семантический анализ содержательного плана элементарных по структуре синтаксических вербальных конструкций – вербальных словосочетаний и простых предложений с глагольным сказуемым⁴, отражающих актуализированными лексическими и грамматическими средствами тувинского языка отдельные динамические, **процессные ситуации** реальной действительности (на общем фоне реальных процессных ситуаций могут быть и мнимые процессные ситуации, но суть дела от этого не изменяется), позволяет **констатировать в обобщённом виде** следующие **компоненты** в этих отдельно взятых, т.е. изолированных и поэтому элементарных, процессных ситуациях:

1) сам **процесс** – совершаемое действие или динамичное (физическое или психологическое) состояние;

2) исполнитель или носитель этого процесса – **агeнс** или **фeренс**;

3) **пациeнс** – объект непосредственного воздействия процесса при наличии этого воздействия; с учетом последнего обстоятельства следует констатировать два вида процессов – **процесс безобъектный** и **процесс объектный** (точнее, прямообъектный);

4) в отдельной же, т.е. элементарной, но усложненной процессной ситуации при осуществлении действия агенсом непосредственно над объектом-пациенсом выявляется также **пробудитель** этого **прямообъектного процесса**, или иначе, в терминах А. А. Холодовича (но с существенным ограничением их содержания **обязательной прямообъектностью** агентивного процесса), констатируется каузируемое прямообъектное действие агенсами и его каузатор. Теоретически возможная, но пока не зарегистрированная отраженно в тувинских вербальных синтаксических конструкциях, отдельная дважды усложненная процессная ситуация, когда прямообъектное действие, осуществляемое агенсом над объектом-пациенсом, побуждается побудителем, спровоцированным на это побуждение другим побудителем, иначе, процессная ситуация каузируемой каузации прямообъектного процесса агенса над пациенсом.

В результате семантического анализа отраженного содержания тувинских (и адекватных по содержанию русских элементарных синтаксических конструкций, в том числе и прежде всего словосочетаний, с вербальным компонентом в их структуре можно обобщить существующие в реальной действительности (и мнимые) простые процессные ситуации, подведя их под **три**, возможно, четыре **типа простых процессных ситуаций**:

Ситуация 1 – 1) **агeнс** или **фeренс**; 2) осуществляемый агенсом или совершающийся в ференсе безобъектный процесс; в реальной (или мнимой) процессной ситуации 1 безобъектный процесс агенса или ференса обобщенно представляет собой любое безобъектное действие (*чоруур* ‘идти’), физическое состояние (*удуур* ‘спать’, *аарыыр* ‘болеть’), психическое состояние (*муңгараар* ‘печалиться’), а также действие, безобъектное в данной конкретной ситуации, хотя в других

³ Но Г. Д. Санжеев учел критику “Программ...”, т.к. пересмотрел свою прежнюю побудительнозлогоговую характеристику постфиксов типа -*aa*-, -*ga*-, -*гаа*- (у него -*га*- в классическом и -*а* в прочих монгольских языках) квалифицируя их как ... суффиксы, образующие переходные глаголы от исходных [Санжеев 1963: 22-24;] (ср.: постфиксы *а*, *х*, *гъ* [Санжеев 1940: 63-69].

⁴ Анализируются исключительно синтаксические конструкции с вербальными компонентами, т.к. залоговость реализуется только в таких конструкциях.

конкретных ситуациях при этом действии констатируется пациенс (*номчуур* ‘читать, быть занятым чтением’).

Ситуация 2 – 1) агенс; 2) осуществляемый агенсом **прямообъектный процесс**; 3) **пациенс** в этом типе ситуации с прямообъектным процессом последний обобщенно представляет собой физические, действия с прямообъектным распространением (*бажың тудар* ‘строить дом’), психические акции и состояние с прямообъектным распространением (*дыл билир* ‘знать язык’, *өөреникчини мактаар* ‘хвалить ученика’, *уран чуул сонуургаар* ‘интересоваться искусством’).

Ситуация 3 – 1) **побудитель** (каузатор); 2) **агенс**; 3) осуществляемый агенсом побуждаемый (каузируемый) **прямообъектный процесс**; 4) **пациенс** (*оолга ном номчуткан кыс уруг* ‘девочка, попросившая мальчика почитать книгу’).

Ситуация 4 – 1) каузатор каузатора; 2) агенс; 3) каузируемый прямообъектный процесс агенса; 4) пациенс.

Выделяемые сообщаемым актуальные для его сообщения конкретные процессные ситуации из континуума реальных (и мнимых) процессных ситуаций могут быть элементарными (т.е. с одним, двумя или тремя предметными компонентами и **только** с одним динамическим, процессным компонентом), подводимым под один из приведенных выше трёх обобщенных типов элементарных ситуаций, но могут быть, и в речевом контексте чаще всего и бывают, **сложными процессными ситуациями**, когда две и больше элементарные процессные ситуации в соответствии с установкой сообщения выделяются сообщаемым объединенными по общему одному субстрату разных предметных компонентов в этих ситуациях. Например, сообщаемый выделил актуальную для его сообщения сложную процессную ситуацию, реализованную им словесно по фразе с причастным определительным оборотом (в примерах ниже арабскими цифрами, заключенными в круглые скобки, дана сплошная нумерация всех компонентов сложной процессной ситуации в тувинском линейном порядке её словесной передачи; римскими цифрами I, II указаны номера объединенных элементарных процессных ситуаций тоже в тувинском линейном порядке):

1. (1) *Оолга* [агенс I] (2) *ном* [пациенс I] (3, 4) *номчуткан* [каузируемый прямообъектный процесс I] (5) *кыс уругну* [каузатор I // пациенс II] (6) *мен* [агенс II] (7) *көрдүм* [прямообъектный процесс II]⁵;

2. (6) Я [агенс II] (7) увидел [прямообъектный процесс II] (5) девочку [пациенс II // каузатор I], (3) попросившую [каузация I] (1) мальчика [агенс I] (4) почитать [прямообъектный процесс I] (2) книгу [пациенс I].

Объединение в этой сложной процессной ситуации двух элементарных процессных ситуаций:

I. (5) *Кыс уруг* [каузатор I] (1) *оолга* [агенс I] (2) *ном* [пациенс I] (3, 4) *номчуткан* [каузируемый прямообъектный процесс I] – Девочка попросила мальчика почитать книгу.

II. (5) *Кыс уругну* [пациенс II] (7) *көрдүм* [прямообъектный процесс II] – (Я) увидел девочку, – осуществлено благодаря общности двух предметных компонентов в этих ситуациях – пациенса II и каузатора I – к одному и тому же предметному субстрату девочка, и являясь в этом словосочетании синтаксически определяемым стержневым субстантивным компонентом, получает на этом синтаксическом уровне **сему грамматического субъекта** для грамматически соотношенного с ним глагольного действия, содержащегося в вербальном слове (точнее, в вербальной словоформе) *номчуткан* ‘попросившая прочесть’, т.к. на это значение грамматического субъекта Scaus. локализованного в словоформе *кыс уруг*, указывает все грамматическое оформление данного словосочетания в целом, а именно: 1) оформление первичной основы переходного глагола *номчу-* ‘читать’ (отражающего каузируемый прямообъектный процесс ситуации) обязательным специальным залоговым постфиксом -т-; 2) оформление основы субстантивной лексемы *оол* ‘мальчик’ (отражающей агенс ситуации) обязательным дательноподлежащим постфиксом +га; 3) оформление основы субстантивной лексемы *ном* ‘книга’ (отражающей пациенс ситуации) обязательным

⁵ В линейном порядке тувинской фразы подлежащая словоформа *мен* ‘я’ может находиться в самом начале этой фразы, подчеркивая своей инициальной позицией и возникшим в связи с этим рамочным обрамлением ее смысловое единство, или эта подлежащая словоформа может совсем отсутствовать, т.к. у словесно выражаемого ею субъекта *мен* ‘я’ грамматического предикативного узла S-P данной фразы имеется в структуре последней компенсирующее формальное указание на него в виде личносказуемого постфикса -(ү)м в сказуемой словоформе *көрдүм* ‘увидел=я’.

прямообъектным постфиксом – в данном случае нулевой морфемой неопределенного падежа.⁶ И это обязательное грамматическое оформление компонентов данного словосочетания при отражении им конкретной каузируемой прямообъектнопроцессной ситуации 3 на словосочетательном синтаксическом уровне сохраняется и на более высоком предложенческом синтаксическом уровне при преобразовании компонентов словосочетания в члены предложения во фразе *Кыс уруг оолга ном номчуткан* ‘Девочка попросила мальчика почитать книгу’; на этом, предложенческом, уровне грамматический субъект $S_{caus.}$ словосочетания семантически трансформируется в субъект S предикативного узла $S - P$ предложения, т.е. словоформа *кыс уруг* вместо синтаксической семы грамматический субъект $S_{caus.}$ словосочетания получает синтаксическую сему субъект S в $S - P$ предложения и становится одним из главных членов – подлежащим фразы, отражающей ту же конкретную ситуацию 3.⁷

В предлагаемой вниманию читателя статье дано изложение системы **залоговости** (системы залоговых значений с их формальным выражением) в грамматике тувинского языка, базирующейся на приведенных ниже положениях, типологически свойственных грамматикам других языков алтайской группы.

I. В инициальной части всех словоформ одной и той же знаменательной глагольной лексемы тувинского языка морфологически вычленяется **первичная основа** с лексическим значением – обобщенным названием процесса⁸ и с категориальнограмматическим значением вербальности⁹, проявляющейся в особенностях синтаксического функционирования лексемы и в типе ее парадигмы (о лексико-грамматическом значении транзитивности/нетранзитивности см. ниже).

II. **Первичная основа** глагольной лексемы, независимо от способа ее производства, в отличие от вторичных основ этой лексемы (причастных, деепричастных залоговых, видовых, модальных, сказуемых и др.), **единственна**; в аспекте словообразования первичные глагольные основы T_v подразделяются на три группы:

1) первичные основы **непроизводные** (корневые), фонемно совпадающие с их корнями, но не отождествляемые с ними (т.к. корневые морфемы знаменательных лексем несут только лексическое значение и полностью лишены любого грамматического значения), например, *кел*= ‘приходить’, *ал*= ‘брат’;

2) первичные основы **производные синтетические**, образованные присоединением специальных постфиксов к производящим основам существительных, прилагательных, числительных, наречий; например: *сана-* ‘считать’ < *сан* ‘число’ +*a-*; *кызылда-* ‘делать красным’ < *кызыл* ‘красный’ +*да-*; *ийиле-* ‘брать по два’ < *ийи* ‘два’ +*ле-*.

3) Первичные основы **производные аналитические**, образованные сочетанием основ с вспомогательными глаголами; напр., *ажыш де-* ‘разболеться (о ране)’ *ажыш* – несамостоятельная основа изобразительного слова от глагола *ажы-* ‘саднить’, *де-* – вспомогательный глагол.

⁶ Автором статьи используется термин **неопределенный падеж** (русский эквивалент предложенного в свое время О. П. Бетлингом латинского термина *casus indefinitus*, как более корректный вместо употребительного теперь у тюркологов, а вслед за ними и монголистов, термина **о с н о в н о й** падеж, провоцирующий теоретически недопустимое отождествление надежной формы имени (с нулевой морфемой) и основы этого имени. Ср., напр., в бурятской фразе *Сай аягалба* ‘Пил чай (букв. Очашил чай)’ словоформа ... *сай* ‘чай’ есть форма основы данного имени и при переходном глаголе может быть только прямым объектом” [Санжаев 1963: 21].

⁷ Автор придерживается традиционной в русском языкознании трактовки подлежащего и сказуемого как главных членов предложения в двухвершинной структуре последнего, полагая, что для лингвистического анализа эта трактовка глубже отражает структурно-семантический костяк предложения (названный им предикативным узлом $S - P$), чем довольно распространенная теперь трактовка по Л. Теньеру одновершинной вербальносказуемой структуры предложения с низведением подлежащего до второго по порядку уровня актантов (т.е. на один уровень с прямым и косвенным дополнением и обстоятельством).

⁸ Для простоты изложения условно говорится об одном лексическом значении.

⁹ Это положение в общем виде для постфигирующих языков с учетом всех частей речи формулируется так: в инициальной части всех словоформ одной и той же знаменательной лексемы морфологически вычленяется первичная (корневая или производная) основа с обязательными в ней лексическим значением L и категориально-грамматическим значением K .

III. Первичные основы тувинских глагольных лексем четко подразделяются на основы **переходные** (транзитивные) T_{vt} и основы **непереходные** (интранзитивные) T_{vi} по виртуальной сочетаемости или несочетаемости словоформ от первичной глагольной основы с прямообъектными падежными словоформами субстантивных лексем (т.е. в тувинском языке с винительнопадежной неопределеннопадежной и исходнопадежной словоформами субстантивов), в значительной степени отражая тем реальную возможность или невозможность физического или психического воздействия на объект процессом, обозначенным в глагольной лексеме.¹⁰ Примеры:

<i>ал-</i> T_{vt} 'взять'	<i>уду-</i> T_{vi} 'спать'.
<i>бил-</i> T_{vt} 'знать'	<i>бал-</i> T_{vi} 'отправиться'
<i>чемгер-</i> T_{vt} 'кормить'	<i>чеңне-</i> T_{vi} < 'образоваться (о шуге)'
(< <i>чем</i> 'пища' + <i>гер-</i>)	(< <i>чен</i> 'шуга' + <i>не-</i>)

Лексико-грамматическое значение переходности/непереходности локализуется в первичной и только в первичной глагольной основе и, являясь исходным и определяющим семантическим базисом и образовании системы синтаксических залоговых значений (частично соотнесенных с залоговыми основами, вторичными по отношению к первичной основе), полностью **снимается** в этих значениях; соответственно, все **залоговые основы** (в том числе залоговые основы с нулевым залоговым постфиксом, фонемно совпадающие с глагольными основами T) не имеют в своем содержании лексико-грамматической семы транзитивности-нетранзитивности, т.к. уже на первом этапе актуализации транзитивность первичной основы T_{vt} , сняв определяющую для нее виртуальность и тем перестав быть транзитивной семой, **актуализируется** в активнозалоговом вербальном словосочетании или в медиальнозалоговом словосочетании как синтаксическое активнозалоговое или как синтаксическое медиальнозалоговое значение в этих словосочетаниях; а интранзитивность первичной глагольной основы T_{vi} , сняв свою виртуальность и тем перестав быть интранзитивным значением, **актуализируется** в медиальнозалоговом словосочетании как синтаксическое медиальнозалоговое значение в нем, включаясь в общую систему актуальных залоговых значений.

IV. Таким образом, обязательными семантическими компонентами содержания **первичной основы** знаменательной глагольной лексемы являются:

1) **лексическое значение L** – обобщенное наименование процесса (соотнесенного с субстанцией как ее динамический признак);

2) **категориальное значение вербальности K_v** , проявляющееся в особенностях синтаксического функционирования глагольной лексемы и в специальной словоизменительной парадигме (с темпорально-динамическими характеристиками в ней);

3) иерархически подчиненное категориальнограмматическому значению вербальности, но относительно автономное **лексико-грамматическое значение транзитивности/интранзитивности** – обусловленная лексическим значением виртуальная сочетаемость/несочетаемость глагольной лексемы с прямообъектными словоформами субстантива, исходный семантический базис синтаксических субъектно-объектных залоговых значений.

Этот обязательный набор лексических и грамматических сем содержания в первичной глагольной основе позволяет закрепить за ней терминологическое сочетание **первичная лексико-грамматическая глагольная основа** и обозначить ее обобщенным символом T_v (где T – первичная основа, v – вербальная или глагольная, с подразделением его на частные символы T_{vt} и T_{vi} (где vt – вербальная ~ глагольная транзитивная, vi – вербальная ~ глагольная интранзитивная).

V. Многочисленные в тувинском языке (как во всех языках алтайской группы) **вторичные залоговые основы** образуются специальной залоговой постфиксацией первичной лексико-грамматической глагольной основы (редко залоговой постфиксацией вторичной видовой основы) и наряду с тем, что они участвуют в выражении залоговых значений, сугубо синтаксических по своему грамматическому содержанию, эти вторичные залоговые основы могут быть производящими основами субстантивных и адъективных дериватов; последнее обстоятельство, как было отмечено выше, послужило мотивировкой считать вторичные залоговые основы девербальными глагольными

¹⁰ Фонемно совпадающие первичные основы немногочисленных тувинских глагольных лексем, различающиеся между собой переходностью/непереходностью, целесообразно квалифицировать как **о м о н и м и ч н ы е**; напр., *эгле-* T_{vt} 'начинать (что)', *эгле-* T_{vi} 'начинаться' (< *эге* 'начало' + *ле-*).

дериватами, а их образование – словообразованием. При такой трактовке не учитывается, что в языках алтайской группы достаточно типичной является деривация от вторичных формообразовательных основ и словоизменительных словоформ. Например, тувинские причастия на *-бас* и *-^a/_ыp*, которые в причастной парадигме являются словоформами, а при личном и падежном их оформлении в роли независимого и зависимого сказуемого являются формообразовательными основами, – эти причастия служат также производящими основами для глагольных дериватов по форме T_v *-бас* (прч ПФ) + *та-* (пф T_v): *кел-* ‘приходить’ > *келбес* ‘не придет’ ‘(~*не имеющий придти)’ > *келбесте-* ‘перестать приходить’. В современном монгольском языке родительноподлежащая и дательноподлежащая словоформы регулярно служат производящими основами для субстантивных и адъективных дериватов:

завод (T_{Sb}) + *ын* (род. п. ПФ) + *хан* (собир. ПФ T_{Sb}) > *заводынхан* (собир. T_{Sb}) ‘коллектив завода’;

гэр (T_{Sb}) ‘юрта’ + *т* (дат.-местн. п. ПФ) + (э)^x (локальн. ПФ T_{adj}) > *гэртэх* (локальн. T_{adj}) ‘находящийся в юрте’;

Ср. структурно аналогичную древнетюркскую лексему *balıqımtaqı* (T_{adj} лок.) ‘проживающий в моем городе’, где словоизменительная местопадежная словоформа на *+та* личнопритяжательной словоформы-формообразовательной основы *balıqım* ‘мой город’ (при первичной основе *balıq* (T_{Sb} ‘город’) является производящей основой для локального прилагательного на *+qı*.

Сказанное позволяет квалифицировать вторичные залоговые основы тувинского глагола формообразовательными и производящими, отражая тем специфику грамматического строя тувинского языка. Примеры:

кел- (T_{vi} – первичная основа непереходного глагола) ‘приходить’ -*дир-* (ПФ злг.) > *келдир-* (T_v злг. – вторичная залоговая основа) ‘призывать, мобилизовать (букв. приводить)’ -*(и)кчи* (ПФ T_{Sb} ag) *келдирикчи* (T_{Sb} ag – первая производная основа субстантива, имени деятеля) ‘мобилизующий (букв. *приводитель, *мобилизатор)’;

келдир- (T_v злг. – вторичная залоговая основа) ‘приводить, мобилизовать’ -*т-* (ПФ злг.) *келдирт-* (T_v злг. – вторичная залоговая основа) ‘приказать привести; быть приведенным, мобилизованным’ -*(и)кчи* (ПФ злг.) *келдиртикчи* (T_{Sb} ag – первичная производная основа субстантива, имени деятеля) ‘мобилизованный (букв. *приведенец), призывник’.

НВ: в многозначном содержании залоговой основы *келдирт-* потенциальная каузативность и потенциальная пассивность актуализируется в синтаксическом окружении.

При постфиксальном оформлении вторичных залоговых основ тувинских глаголов используются специальные простые и сложные залоговые постфиксы общетюркского происхождения.

Ниже дан перечень тувинских простых и сложных залоговых постфиксов с ассимилятивными вариантами согласных простых постфиксов, заключенными в круглые скобки; конститутивный и соединительный краткие узловые согласные даны в одном гармоничном варианте *ы* (из четырех возможных в тувинском языке вариантов *ы, и, у, ү*), соединительный гласный при этом заключен в круглые скобки; в квадратных скобках указаны: а) древнетюркские эквиваленты тувинских простых залоговых постфиксов; б) исходные компоненты тувинских сложных залоговых постфиксов:

а) *-ыр-* [-ur-], *-т(д)-* [-t-], *-(ы)л(т)-* [-l-], *-(ы)н(т)-* [-n-], *-ыс-* [uz-], *-(ы)к(г)-* [-q-], *-(ы)ш(ж, ч)-* [-š-];

б) *-ырт-* [< -ыр- + -т-], *-тыр-* [< -т- + -ыр-], *-тырт-* [< -т- + -ыр- + -т-], *-ттыр-* [< -т- + -т- + -ыр-], *-гыс-* [< -(ы)к- + -ыс-], *-тыл-* [< -(ы)н- + -(ы)л-], *-тын-* [< (ы)л + -(ы)н-], *-тык-* [< -(ы)л- ~ -(ы)н- + -(ы)к], в единственном случае *-зир-* [< -(ы)с- + -ыр-]; *-ø-*.

В этот исчерпывающий перечень тувинских залоговых постфиксов добавлен нулевой залоговый постфикс *-ø-* как грамматически значимое отсутствие материального залогового постфикса в залоговой парадигме, характеризующее собой вторичную залоговую основу T_v *-ø-*, которая фонематично совпадает с первичной глагольной основой T_v , не участвующей в выражении залоговых значений.